

УДК 343.97

**ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК ОСНОВА
ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Т.П. Афонченко,

доцент кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, кандидат юридических наук, доцент (Гомель, Республика Беларусь)

Современные реалии развития науки, законодательства и практики его правоприменительной деятельности таковы, что требуют смещения акцентов деятельности по профилактике правонарушений и социальной реабилитации правонарушителя в направлении учета соответствующих принципов человеческого измерения и исполнения государствами взятых на себя на международно-правовом уровне обязательств [1]. Рассматриваемая сфера без преувеличения является одной из наиболее чувствительных для человеческого измерения областей права и сегодня нуждается в модернизации ввиду ряда факторов. Так, множественность девиантных проявлений, трансформация стандартов социального поведения и постулаты стремления к декларируемой внутренней свободе и самовыражению, не подкрепленные высоконравственными моральными качествами и навыками поведения, обусловили стирание рубежа между противоправными проявлениями и ярко выраженным неприятием нарушений правопорядка. Современные криминологические исследования, признавая за преступностью характер искусственно созданной социальной конструкции, констатируют «кризис наказания» – неэффективность традиционных форм социальной корректировки преступного (и вообще наказуемого девиантного) поведения [2, с. 859–864; 3, с. 58]. Усиливающаяся монополизация публичными институтами правомочий криминализации (декриминализации) деяний и тенденция усиления их санкционного обеспечения за счет сужения степени свободы и автономности личности, формируя встречный адекватный протест, негативно сказываются на осознанном правопослушном поведении. К сожалению, современный социально-нравственный индикатор использования уголовного закона, как отмечает И.Я. Козаченко, реагирует не на глубинные, базовые истоки воспроизводства преступности, а на поверхностные экономические и социальные колебания либо напряжения политического характера. По мнению автора, прежде, чем приступить к реализации уголовной ответственности за то или иное опасное деяние, общество и государство должны

отдавать себе отчет в том, в какой мере они сами виновны в создании и поддержании таких условий жизни, которые разрушают материальную и нравственную основу равенства людей, и провоцируют их на совершение недозволенного [4, с. 6-7]. В.М. Хомич справедливо указывает, что в подобных условиях «... социальный контроль преступности безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации...» [5, с. 40]. Тем более, продолжает далее автор, «... современная отечественная криминология способна системно углубиться в социологию преступности, представляя последнюю в качестве имманентного фактора (свойства) социальных систем...», что, на наш взгляд, помимо прочего, требует принципиального пересмотра имеющегося механизма воздействия на преступность, в том числе за счет реформирования действующих предупредительно-ресоциализационных механизмов. Иными словами, все большее значение приобретает выработка стратегии и тактики социального контроля над преступностью, под которым Я.И. Гишинский в самом широком смысле понимает механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в данном обществе нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего поведения, призывая отказаться от термина «борьба с преступностью» как от архаичного и порождающего ситуацию противостояния между государством, обществом и отдельной личностью [6, с. 506-521].

В настоящее время именно термины «социальный контроль» «контроль преступности», близкие по смыслу к термину «управление преступностью» (последний употребляется в рамках семантической концепции преступности Д.А. Шестакова) [7, с. 12-13; 8, с. 300-346] получают более широкое распространение применительно к проблемам профилактики и противодействия преступности. Отметим также, что именно Д.А. Шестакову принадлежит авторство термина «право противодействия преступности», широко распространившегося в настоящее время, и разработка рамочной структуры права противодействия преступности с аргументацией обоснованности включения в ее состав тех или иных элементов [9, с. 111-113; 10, с. 49-50]. Признание возможности объединения наук криминального цикла в единое системное образование, на наш взгляд, позволит реформировать платформу осуществления правоохранительной деятельности с учетом инновационных идей коммуникативной теории права Ю. Хабермаса, когда право воспринимается не с позиции одностороннего государственного волеизъявления, принуждения, включающего санкцию, а как отношения между людьми, установленные в согласии с их представлениями о должном [11, с. 7]. Составным элементом формирующегося права проти-

водействия преступности являются нормы законодательства о профилактике правонарушений. По мнению В.М. Хомича, разрабатываемое криминологическое законодательство (охранительное по содержанию и восстановительное по целям) «... должно, прежде всего, нормализовать отношения между государством и обществом по компетенционным вопросам... введения и допущения систем безопасности от деликтов криминального свойства» [5, с. 43]. Подчеркнем, что предупреждение (профилактика) на различных уровнях и ресоциализация лиц, отбывших наказание, должны рассматриваться в качестве самостоятельной отрасли криминологического законодательства и соответствующего ему научного знания, хотя по отношению к данной точке зрения, например, Н.А. Лопашенко высказывает некоторый скепсис [12, с. 67].

В Республике Беларусь легальное закрепление термина «профилактика» достаточно удачно аккумулировало в себе различные формы реализуемого предупредительного воздействия на лицо, допускающее социально противоправное поведение, в основополагающем законодательном акте, на системном уровне, устанавливающем основы профилактической деятельности вне мер уголовно-правового воздействия, которым является Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» 2014 г. [13]. Указанный нормативный акт длительный период фактически не имел аналогов на постсоветском пространстве. Так, например, в Российской Федерации осуществление профилактической работы регулировалось на уровне отдельных административно-территориальных единиц (Закон г. Москвы «О единой системе профилактики правонарушений в городе Москве» 2008 г., Закон Санкт-Петербурга «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» 2007 г.), а систематизированный акт – Закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» был принят только в 2016 г. [14]. Согласно ст. 5 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», перечень субъектов профилактики правонарушений включает более 20-ти структур, но, несмотря на столь внушительное представительство, в ходе анализа текста нормативного акта на предмет механизма осуществления отдельных профилактических мер нельзя не отметить тот факт, что законодатель сделал акцент на реализацию профилактической деятельности в первую очередь государственными учреждениями и организациями, в том числе в форме регистрационно-контрольной функции в обеспечении социальной адаптации (так, например, согласно ст. 19 Закона, органы внутренних дел обеспечивают контроль за прибытием граждан, освобожденных из исправительных учреждений, исправительных учреждений открытого типа, арестных домов, к избранному месту жительства, а местные исполнительные

и распорядительные органы принимают меры по обеспечению указанных граждан жилыми помещениями и трудоустройству).

Очевидно, что поддержание должного уровня правопорядка, в том числе путем осуществления профилактических и ресоциализационных мероприятий – одно из основополагающих направлений деятельности государства посредством механизма соответствующих органов и учреждений. В то же время, комплексность подразумевает включение в данный вид деятельности и иных субъектов, в том числе организаций независимо от форм собственности, религиозных конфессий, общественных объединений и др. Практика советского периода белорусской государственности показала малоэффективность и формализацию императивного закрепления обязанностей по осуществлению профилактической и воспитательной деятельности за трудовым коллективом либо по месту жительства лица. В подобном случае ожидание высокой результативности, а равно обеспечения системности и последовательности проведения профилактических мероприятий явилось бы крайним проявлением иллюзорности, когда искаженные обыденные представления о возможностях репрессии, в том числе уголовной, могут выступить непреодолимым препятствием на пути построения эффективной системы профилактики и ресоциализации. На наш взгляд, процедура вмешательства в сферу прав и свобод гражданина, в том числе в рамках реализации мер постпенального контроля, должна в первую очередь сосредотачиваться на предоставлении реальных возможностей профессионалам, специалистам, подготовленным к компетентной работе в определенной сфере. В то же время повышение уровня правосознания граждан, преодоление негативных последствий правового нигилизма, наказуемого девиантного и антисоциального поведения вполне доступны, например, и для негосударственных учреждений (в форме наглядной агитации, индивидуальных бесед).

Что касается функционирования общественных объединений, организаций и союзов, целями деятельности которых является оказание специализированной помощи и защита прав осужденных, то данное направление также обладает огромным потенциалом. Закрепленная действующим законодательством Республики Беларусь система профилактики правонарушений в литературе получила наименование двухуровневой, поскольку содержит меры так называемой общей и специально-криминологической, индивидуальной профилактики, осуществление которых возложено соответственно либо на систему органов власти и управления, учреждения и организации в целом, либо на подразделения специализированных структур, как правило, вовлеченных в правоохранительную деятельность [15, с. 88]. Более широкое вовлечение в подобную деятельность коммерческих и общественных организаций, иных сообществ, а также граждан, занимающих

активную жизненную позицию, позволило бы стимулировать развитие трехуровневой системы профилактики. При построении каждого из уровней с известной долей допущения в основу дифференциации может быть положена точка зрения А.И. Долговой на классификацию мер предупреждения в зависимости от их масштаба [16, с. 340]. Первый уровень мер – общегосударственные, относящиеся к большим социальным группам (или меры общей профилактики и социального контроля); второй уровень – меры предупреждения, относящиеся к отдельным микрогруппам (осуществляемые отдельными организациями, объединениями, в том числе негосударственными, а также гражданами по месту жительства); третий уровень – меры индивидуальной профилактики, относящиеся персонально к отдельным гражданам, совершившим правонарушение.

Часть 2 ст. 2 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» закрепляет, что профилактика правонарушений при ведении уголовного и административного процессов, исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности осуществляется в соответствии с другими законодательными актами, и тем самым выводит функцию социальной адаптации осужденных как существенный элемент предупреждения и профилактики рецидива за рамки своего правового регулирования, что представляется правильным, поскольку социальная адаптация осужденных, отбывших наказание, должна рассматриваться как элемент деятельности по реализации уголовной ответственности, формироваться и осуществляться в рамках уголовно-правовых и уголовно-исполнительных правоотношений.

Недостаточно полно деятельность по ресоциализации несовершеннолетних урегулирована в Законе Республики Беларусь «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» 2003 г. [17], поскольку касается только социально-психолого-педагогической реабилитации несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, снова выводя за предмет правового регулирования мероприятия, осуществляемые в отношении несовершеннолетних лиц, находящихся под бременем уголовной ответственности на различных этапах реализации последней.

В области предупреждения преступности и уголовного судопроизводства термины «социальная адаптация», «ресоциализация» относятся к различным формам специализированного, в том числе постпенального, воздействия и коррекционным программам, предназначенным для осужденных и препятствующим их повторному вовлечению в преступное поведение либо уменьшающим вероятность такового поведения. В силу этого меры социальной интеграции являются своего рода попытками различных

компонентов государственного механизма в сотрудничестве с общественными объединениями, неправительственными организациями, учебными заведениями, учреждениями здравоохранения, сообществами и семьей лица, допустившего правонарушающее поведение, поддержать его успешную социальную интеграцию из-за опасности совершения им преступления после освобождения от отбывания наказания.

В соответствии с требованиями ст. 11 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», на местные исполнительные и распорядительные органы возложена обязанность разработать и утвердить региональные комплексные программы по профилактике правонарушений, которые должны, кроме прочего, предусматривать также проведение мероприятий по предупреждению рецидивных проявлений, то есть правонарушений, совершаемых лицами, освобожденными из исправительных учреждений.

К сожалению, анализ принятых программ и запланированных мероприятий по профилактике рецидивной преступности показывает, что они во многом бессодержательны, дублируют положения нормативных правовых актов и должностные обязанности сотрудников органов внутренних дел, работников комитетов по труду, занятости и социальной защите и иных лиц. Данная работа не имеет организационной инициативы, системной стабильности, выполняется ситуационно.

В настоящее время действующие концепции и государственные программы (например, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016-2020 гг., Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016-2020 гг. и другие [18; 19; 20]) не содержат систематизированных положений замкнутой системы профилактики и ресоциализации, в то время как сегодня в Республике Беларусь уже имеются предпосылки становления права противодействия преступности, или криминологического права, с выделением ряда подотраслей и институтов криминологического законодательства, объединенных в соответствующие кодифицированные акты: Кодекс мер безопасности, Кодекс предупреждения преступлений и ресоциализации и др. Добавим также, что создание указанных нормативных актов в Республике Беларусь следует начинать с принятия рамочных законов (например, наряду с действующими Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» представляется целесообразным принятие Закона «О социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания»), закладывающих основы

формирования комплекса специализированных норм и учитывающих современные требования обеспечения высоких стандартов прав человека и его активного включения в социально полезную среду.

Список использованных источников:

1. Обязательства ОБСЕ в области человеческого измерения : сб. документов в тематическом порядке. Том 1. – изд. 3-е. – ОБСЕ/БДИПЧ, 2011. – 366 с.
2. Лунеев, В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2005. – 870 с.
3. Гишинский, Я.И. Что же делать с преступностью? / Я.И. Гишинский // Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе пост-модерна: сб. ст. – СПб. : Алетейя, 2017. – С. 56–74.
4. Козаченко, И.Я. Нравственный потенциал уголовной ответственности / И.Я. Козаченко // Нравственные основы уголовной ответственности: матер. XIV Междунар. науч.-практ. конференции, посв. памяти М.И. Ковалева, Екатеринбург, 15-18 февраля 2017 г. – Екатеринбург : Изд. дом Уральского госуд. юридич. ун-та, 2017. – С. 5–20.
5. Хомич, В.М. Социальный контроль преступности безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации / В.М. Хомич // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 40–43.
6. Гишинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я. Гишинский. – 3-е изд. – СПб. : Алеф-Пресс, 2013. – 634 с.
7. Шестаков, Д.А. Об управлении преступностью / Д.А. Шестаков // Проблемы совершенствования использования уголовных наказаний / под. ред. А.И. Васильева. – Рязань : Рязанская высшая школа МВД, 1992. – С. 12–13.
8. Преступность среди социальных подсистем. Crininality among social subsystems: Новая концепция и отрасли криминологии / Д.А. Шестаков, П.А. Кабанов, Г.Н. Горшенков и др.; под ред. Д.А. Шестакова; Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр пресс, 2003. – 351 с.
9. Шестаков, Д.А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности / Д.А. Шестаков // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования : коллект. моногр. ; отв. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. – Костанай, 2012. – 154 с.

10. Шестаков, Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 1 (28). – С. 47–50.

11. Поляков, А.В. Юрген Хабермас и Бьярн Мелкевик: коммуникативный вызов российской юридической науке / А.В. Поляков // Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / Б. Мелкевик ; пер. с фр. Е.Г. Самохиной ; науч. ред. А.В. Поляков. – СПб. : ООО Издат. дом «Алеф-Пресс», 2018. – 95 с.

12. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 586 с.

13. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь № 122–З, 4 янв. 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

14. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный Закон, 23.06.2016 г., № 182-ФЗ // КонсультантПлюс: Российская Федерация // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/. – Дата доступа: 30.04.2018.

15. Клим, А.М. Общесоциальное предупреждение взяточничества / А.М. Клим, А.А. Сосновский // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 2. – С. 88–91.

16. Криминология : учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб и доп. – М. : НОРМА, 2010. – 912 с.

17. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь № 200-З, 31 мая 2003 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

18. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010, № 575 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

19. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы: указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016, № 466 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

20. Об утверждении Государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 годы: постановл. Совета Министров Респ. Беларусь, 28 марта 2016, № 250 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.